

Протоиерей
Андрей Ткачев

О Боге И ЧЕЛОВЕКЕ

в вопросах и ответах

Андрей Ткачев

**О Боге и человеке: в
вопросах и ответах**

«Издательство Сретенского Монастыря»

2016

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

Ткачев А.

О Боге и человеке: в вопросах и ответах / А. Ткачев —
«Издательство Сретенского Монастыря», 2016

ISBN 978-5-7533-1197-9

«Церковь», «Писание и молитва», «Мир и человек в нем» — таковы темы и рубрики новой книги известного православного писателя протоиерея Андрея Ткачева, в основу которой положены его ответы на вопросы слушателей радио «Радонеж».

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-7533-1197-9

© Ткачев А., 2016
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2016

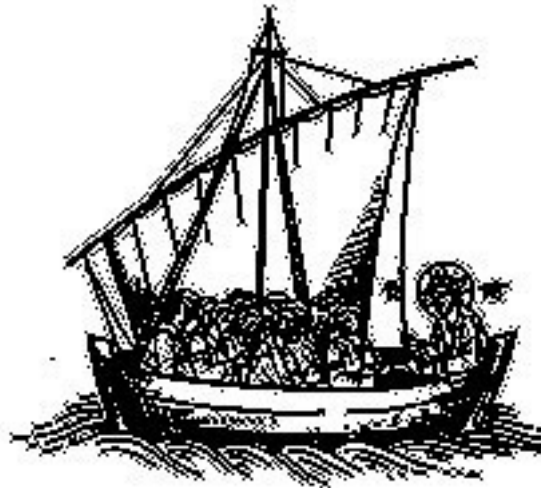
Содержание

Церковь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Протоиерей Андрей Ткачев

О Боге и человеке: в вопросах и ответах

Церковь

– У меня вопрос по поводу причастия. До прихода в Церковь у меня был душевный подъем. А сейчас после причастия я не ощущаю ничего такого. Даже наоборот бывает: то с женой ссоримся, то еще что-либо. Наверное, я что-то неправильно делаю?

– Первое: «ощущаю – не ощущаю». Человек не должен вынуждать Бога на ощущения. Вам дано было однажды ощутить нечто (*Вкусите и видите, яко благ Господь.* – Пс. 33, 9). Но вы не должны ждать, что Бог каждый раз будет повторять, дублировать чувства, которые однажды были при вашем причастии. Бывают времена сухости. Бывают времена, когда со дна вашего сердца поднимается всякая муть. Это означает, что Христос как Царь сошел, точно в ад, в ваше сердце и, в глубине его подняв на ноги все страсти, начал их чистить. И они заволокли. Они начинают действовать в вас: вроде жил себе спокойно, нормально, а тут причастился – и пошло. И вы начинаете дергаться, нервничать, кричать – это проснулись страсти, разбуженные Христом, пришедшие в движение от Его посещения. Это – нормально. Это, конечно, не очень приятно, но удивляться этому не стоит. Христос додействует в вас, и в ближайшее причащение я сердечно вам желаю, чтобы Христос дал вам радость ощутить себя на руках у матери, младенцем. Чтобы вам было хорошо. Чтобы вы почувствовали, что Христос держит вас в руках. Когда будет иначе, не удивляйтесь. Просто пошла война, и Господь, как сильный, сошел внутрь сердца разгонять грехи. Вот они и полезли наружу.

– **Благословите, отец Андрей. Скажите, пожалуйста, почему на Крещение освящают воду два раза и при этом говорят, что вода богоявленская и крещенская – одно и то же. Много лет назад по радио я слушала интервью с митрополитом Питиримом (Нечаевым), он тогда сказал, что в крещенскую ночь освящается вся вода, вся водная стихия: и моря, и океаны, и ледники. Меня тогда это поразило. А недавно прочитала в одной книжке – батюшка пишет, что крещенская вода по своим свойствам ничем не отличается от любой другой святой воды. И лживо мнение, что 19 января Господь освящает всю воду на земле.**

– Богоявленская и крещенская вода – это одна и та же вода. Водосвятие совершается на вечерне, которая у нас по богослужению совершается сразу после литургии, то есть утром. Поэтому получается как два дня. По календарному временному циклу – вечером и утром. Получается вроде бы вместе. Одно и то же, только два раза. Богоявленская и крещенская – совершенно идентичны.

Я не соглашусь с этим батюшкой, что крещенская вода не отличается от всего другого. Агиасма реально течет в жизнь вечную. А если у него нет такого опыта, пусть он считает себя бедным. Или пусть считает себя богатым своими заблуждениями. Пусть думает что хочет и говорит что хочет. Но водосвятие великое иорданское, агиасма, на вечерне Богоявления, самого дня Крещения, – это, конечно, нечто выступающее за пределы остальных освященных вод, всех наших водосвятий, частных и местных, которые тоже святы, тоже велики. Например, все перстни можно освятить, но обручальное кольцо – святее, чем все остальные перстни. Это знак брачного соединения мужа и жены в одну плоть. Все ткани можно освятить, но ткани для священнического облачения или для подвенечного платья особенно святы. Не все в это верят, ну что ж... Либерализм шагает по планете. А митрополит Питирим, Царствие ему Небесное, говорил совершенно достойные слова. Вода мира – некий общий бассейн воды. Любая лужа, любой ручей, любая речушка связаны с Баренцевым морем, Охотским, Черным, Каспийским – все воды мира связаны. Это единый водный бассейн Земли. И если мы освятим одну лужу, одно озеро, один бассейн, одну реку, то мы таким образом распространим освящающую силу на весь мир воды. Так Церковь и говорит: «Днесь вод освящается естество, и разделяется Иордан, и своих вод возвращает струи, Владыку зря крещаем».

– В наших православных календарях пишут: старый стиль, новый стиль. Наступит ли когда-нибудь время, когда старый стиль вступит в новые права? Чтобы Рождество Христово мы отмечали со всем миром, 25 декабря.

– Так ли уж сильно это нам нужно? Все может быть. На самом деле это вещи относительные. Скажем, Пасха Господня празднуется много раз в году, каждое воскресенье. Можно смело праздновать Рождество 25 декабря. Ну чего такого грешного? Ничего страшного. Но, вместе отмечая праздники, общаясь, мы неизбежно перенимаем различные обычаи, навыки, поведенческие модели друг у друга. Возникает вопрос: не страшно ли нам изменить календарь и слиться в общем восторге с теми, кто празднует Рождество вот так? Дело ведь не ограничится одним Рождеством. Плавно перетечет целый ряд их обычаев и обрядов, которые нам не очень-то нужны. А может быть, даже и совсем не нужны. И вот здесь есть страх. Лично я не боюсь, но понимаю, что народ наш – младенец, его учить надо. И с этой точки зрения я – за консерватизм. Консерватизм хорош тогда, когда он охраняет слабого, и плох тогда, когда сдерживает сильного. Я считаю, что консерватизм выполняет важнейшую функцию охранения и защиты наших людей, которые сплошь – глупые младенцы. Я это знаю как пастырь овец православных. Поэтому я против совместных богослужений. Вернее, я за богослужения с Финляндской Церковью, с Элладской Церковью, с Румынской Церковью – пожалуйста, но я против совместных празднований Рождества 25-го числа. Нам нужно сохранять некие барьеры и ограды, которые позволяют сохранить свое лицо и не растечься в этом растекающемся мире. Я – за сохранение различия в календаре.

– В некоторых храмах есть святыне мощи угодников Божиих. Как поклоняться этим святым?

– Поцеловать-то мощи мы всегда можем, а вот узнать, чьи мощи... Стоят мощевики, бывает, по сто частиц. В некоторых храмах прочитать не успеешь за службу, чьи мощи лежат. Ну а чего они там лежат? Поцеловать-то не трудно. Подошел, перекрестился, поцеловал, да и пошел. А что поцеловал – непонятно. А вот узнать, кто это, где жил, когда замучен за Господа, – это уже труд, интерес, работа. А потом уже регулярное почитание мощей. А то мощевики понаставляют по сто частиц, ну и всё. Ну, поцеловал все вместе... «Весь иконостас моли

Бога о нас!» – так это называется. Каждый святой – это человек, это живой человек. Ему больно было, его душили, вешали, резали, убивали, а он молился, терпел, страдал и проповедовал. Это ж надо узнать, что с ним было, где он жил, в каком веке. Я недавно прочел одну интересную фразу, что книги о святых нужно почитать так же, как мощи святых. Книгу целовать нужно так же, как мощи. Есть древняя практика – на мощах святых совершались всенощные бдения. У святителя Василия Великого есть несколько слов на мощах святых. Приведем пример. Мощи мученика Маманта лежали в Каппадокии, христиане собирались и всю ночь пели псалмы. Всю ночь до рассвета. На рассвете литургию служили. И вот слово Василия Великого над мощами мученика Маманта. То есть не просто пришел к мощам, приложился и ушел. Они собирались и служили всю ночь службу, а под утро литургию совершали. Вот это я понимаю, это серьезно – прийти к мощам и у мощей провести ночь, без сна, с молитвой. А потом причаститься возле мощей. И тогда ты чувствуешь некую связь с этим святым, с патриархом почившим или мучеником, с исповедником или юродивым. Вот такая интересная вещь – живая связь. Целовать раки святых, конечно, хорошее, святое дело, но оно не требует больших усилий. Сто поклонов положить перед мощами – это уже труд. Раз на коленки, два на коленки, три на коленки – и так до пота, до одышки. Облегченное христианство – корень всех проблем. Мы, христиане, должны иметь подвижнический дух. Смелый, дерзкий, в хорошем смысле дерзновенный.

– Каковы истоки уныния и как с ним бороться?

– Истоки уныния... Унывает весь мир, люди сходят с ума от уныния, и чем лучше живут, тем больше сходят с ума. Помните слова из песни: «Их дети сходят с ума от того, что им нечего больше хотеть»? Люди натурально подыхают, потому что мы под грехом, потому что мы под тяжестью ответа будущего и Страшного Суда, и мы не готовы, и наша совесть знает, что мы не такие, какими должны быть. Что против уныния? Бодрость, волевая бодрость. Нужно включать волевою бодрость и творить дела милосердия и правды Божией. Обязательно быть на литургии в воскресенье – поднимать себя на молитву. Если вы полюбите воскресную литургию и будете в субботу и воскресенье на службе, вы себя так спасете, вы так себе поможете, Господь столько даст вам через это... Иначе люди – потенциальные суицидники, необследованные сумасшедшие и жители тюрьмы, которые пока что ходят на свободе. Мир – сумасшедший, и люди смертельно больны. Они это знают и потому «зажигают»: кто на дискотеках, кто по наркотикам, кто покупает всякое шмотье ненужное, кто ругается с кем-то с утра до вечера, кто без конца смотрит ерунду по телевизору, кто из компьютера не вылезит – каждый сходит с ума по-своему, занимаются ерундой, лишь бы не повеситься. Спросив об унынии, вы зрели в самый корень, спасибо вам за это. Человек – это подышающее, безумное существо, потерявшее рай и не желающее каяться, веровать и в рай возвращаться. Не хочешь каяться, не хочешь веровать, не хочешь в рай вернуться – значит, ты обречен на мелкое, тихое сумасшествие; рано или поздно ты расшибешь голову об угол бетонного дома. Не важно, в Манхэттене это будет или в Бомбее. Это – наша жизнь. Чтобы с ума не сойти, нужно в Христа поверить, за Христа схватиться, в воскресенье быть на службе, подышать нормальным воздухом в храме, дух Божий вдохнуть – хоть разочек, но полной грудью. В грехах своих каяться и всеусердно творить добрые дела. Можешь подвезти – подвези, можешь поднести – поднеси, можешь пожертвовать – пожертвуй, можешь помочь – помоги, можешь пожалеть – пожалей. Выходи из себя, вылезай из своей внутренней тюрьмы, иначе чокнешься. Мы живем в чокнутом мире. И западный мир, американский мир, европейский мир – это мир полных придурков. Это чокнутый мир, в который нас зовут, в котором вообще остается только повеситься. Больше ничего. Да и что там еще делать? Пока тебя мусульманин не убьет. Или он тебя убьет, или сам повесишься. Вот вся перспектива. Это и есть евроинтеграция, это и есть свободные ворота в свободный мир. Добро пожаловать в сумасшедший дом, на чистую койку. Вот вам веревка, свисающая с потолка. Вы затронули правильные вещи, и правильный ответ на это один: человек без Церкви – заложник собственного идиотизма и неизбежная жертва суицидных намерений. Кто так, кто иначе, но

уйдет из жизни бесславно, позорно. Без Церкви, без Христа смысла в жизни нет. Спасаться от бессмыслицы жизни можно только Христом и во Христе. Спасайтесь, милый брат, спасибо за вопрос, Христом и во Христе, от бессмыслицы жизни, от которой страдаете и вы, и я, и всякая душа человеческая. Аминь.

– Один христианин сказал, что, когда еще был невоцерковленным, только знал: Бог есть; и имел бескорыстную любовь к старикам. И по своим друзьям я заметил, что бескорыстные – более верующие, а эгоистичные не могут этого постичь.

– Господь ищет спасение всякого человека, но Богу нужно за что-то зацепиться в человеке. Например, за добродетели человека до обращения, которыми он не гордится. Человек, например, блудит, выпивает, нерадив к молитве, вообще атеистом себя считает, но милосердует о безногих, безруких или о стариках. Милосердует о них абсолютно искренно, без всякой корысти, ничего для себя не ищет, но отдает свои силы, время, иногда деньги и прочее. Он этим не гордится, не афиширует, не бьет себя в грудь, как макака, что вот, дескать, я делаю добро. Это – то добро, за которое Богу хочется зацепиться. Тогда благодать Духа Святого переворачивает жизнь человека. Помните Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар»? Точно так же и Богу нужна точка опоры, которой является сухая земля сердца человеческого, на которой нет тщеславия, но есть добродетели. Благодаря этому происходит обращение.

– Идет сплошная седмица, следовательно, в субботу перед Прощеным воскресеньем мы не постимся. И следовательно, последнее воскресенье перед постом не подлежит причащению...

– У вас нет никакого послушания Церкви-матери. Если Церковь благословляет есть яйца и сметану и благословляет в воскресенье служить литургию, то неужели вы думаете, что Церковь ошиблась и сметана с яйцами запрещает людям причащаться? Церковь благословила есть вам от пуза до воскресенья включительно сметану, яйца, сыр и прочее; Церковь благословила служить литургию, а литургии без причастников быть не может. Литургия без причастников – это оскорбление Самого воскресшего Христа. Раз есть литургия, значит, должны быть причастники. Как это совместить? Очень просто: нужно не ставить свой пост выше благословения Церкви. Раз Церковь благословляет причащаться – причащайтесь. Условием причащения является что? Что говорит священник, который выносит Чашу? «Со страхом Божиим и верою приступите!» Он не говорит: «Не евшие яиц, творога, не пившие молока, приступите!» Он говорит: «Со страхом Божиим и верою приступите!» Греки добавляют: «Со страхом Божиим и верою и любовью приступите!» Имеешь любовь к Христу, страх Божий имеешь, веру имеешь – приступай, если священник допустил. А он не должен тебя отгонять от Чаши по таким маловажным поводам. Пожалуйста, не заслоняйте от себя Христа вареным яйцом или стаканом молока. Если Церковь благословила кушать вот это, это и это и Церковь же благословила одновременно служить Божественную литургию, а у тебя есть желание причаститься, то чего ты страдаешь от ложных вопросов и ложных сомнений? Выпей молока до двенадцати, и если тебя благословили причащаться и ты хочешь Христа причаститься, хочешь вкусить Христа, вкусить и видеть, яко благ Господь, – вкушай и виждь, яко благ Господь. Это абсолютно ложные проблемы. Это смесь еврейской законности и католических предрассудков. Это никак не православие. Это ложь. Никак нельзя согласиться с такими мыслями, никак.

– У меня с одним человеком возник спор: что такое обряд? Я ему объясняю, что Елеосвящение, Миропомазание, Крещение, Венчание – это таинства, что Христос благословляет на все это. Он мне говорит, что это – обряды, ритуал.

– Обряд и таинство... Обряд – это некая форма, а таинство – это суть. Обряды – это некие формальные вещи. Если при обряде нет таинства, то обряд – это пустышка, это как одежда без человека, одежда, висящая на манекене. Здесь нужно перевести спор в конструктивное русло. Обряд – это форма. Например, парад настоящего генерала и настоящих солдат – это настоящий парад, это таинство, это некая демонстрация мощи, единства и наличия армии. А вот

обряд клоунов, изображающих парад, например, или оловянных солдатиков – это собственно обряд. На солдатиках можно учиться делать парады или на компьютере можно учиться делать парады – это обряд. А вот уже сам парад – это таинство, это факт силы, факт единства, факт мощи, факт присутствия. Здесь спорить нужно поменьше, потому что споры обычно ведут те, кто не знает сути. Люди, наблюдающие жизнь Церкви снаружи, видят лишь обрядовое действие: тот вышел, тот сказал, тот пропел, тот покадил. Эти люди как бы внутри мертвые, для них это все мертвое. Не спорьте об этом. С мирскими о духовном спорить нельзя – есть такая заповедь святоотеческая, они не поймут. Духовный понимает мирского и духовного, а мирской духовного не понимает. Мы – люди относительно духовные, мы можем понять и того, и этого, и пятого, и пятнадцатого, – а он нас не поймет.

– При миропомазании крещаемому дается дар Духа Святого – возвращается то, что было потеряно Адамом при грехопадении. Что это за дары или дар?

– Не думаю, что возвращается. Мне кажется, дается то, чего не было. Возвращается ли то, что было, – это вопрос. Может быть, возвращается, конечно, но Христос нам дает гораздо больше, чем мы имели до грехопадения. Христос через ниспослание Духа Святого дает нам силу воевать с грехом, чего у Адама в полной мере не было. Адам не вырос в великую меру, он быстро пал, от малых грехов рухнул наземь. А мы-то сегодня воюем с гораздо большими грехами, и если кто-то борется и побеждает, то здесь Дух Святой проявляет Себя гораздо более могущественно. Адам жил во времена, когда Бог не воплощался, Бог человеком не был, а мы живем во времена, когда Бог стал человеком и уже не расчеловечивается. То есть уже Христос – новый Адам. Поэтому здесь стоит разобраться в терминах. Мы потеряли рай, но в Христе получаем больше. А благодать Святого Духа дается человеку для того, чтобы послужить Отцу и Сыну и Самому Духу Святому, вернуть Богу с благодарностью все труды свои: быть не просто потребителем благодати, а живым участником тайн Божиих, быть соратником Христу. Это нечто большее, чем было у Адама. Его быстро обманули, а мы-то уже наелись всего подряд и должны быть искушены во всем. Нам нужен Дух Святой для того, чтобы и грех распознавать, и страсти побеждать, и Богу плод духовный приносить, и для многого другого. У нас очень тяжелая жизнь, нам нужно много даров Святого Духа. Поэтому здесь нет параллелей, здесь параллель не такая явная, здесь все по-разному.

– Я живу в Дании. Я молодой, недавно в Церкви, хочу и люблю причащаться, в церковь еду за много километров. Жду, чтобы литургия быстрее закончилась, чтобы поскорее причаститься. Она у нас нечасто, где-то раз в два месяца.

– Я понимаю. Что вам посоветовать... Вы найдите такие информационные ресурсы во всемирной сети, которые позволят вам выучить службу, чтобы вы ее понимали. Потому что когда она понятна и знакома, она пролетает как скорый поезд. Но если слушать вместе и утреню, и литургию, то вы, может быть, устаете? Это с непривычки. Но вы поищите именно разъяснительные ресурсы касательно смысла богослужения, чинопоследования, что за чем идет. Потом накачайте себе (в машине едете, например) песнопения различных монастырских хоров. «Херувимскую», антифоны, «Благослови, душе моя, Господа», «Хвали, душе моя, Господа». Постепенно, чтобы все впиталось в вас, это будет ваша молитва за рулем. Познакомьтесь с Псалтирью, с Евангелием. Можно, чтобы Евангелие звучало в машине. Все это будет вас образовывать постепенно. Месяц за месяцем, год за годом вам будет все легче и легче на службе стоять. И ноги уставать не будут, и мысли не будут разбегаться, и спину ломить не будет. И служба будет вам так сладка, что вы скажете: «Господи, как жалко, что она так быстро закончилась!» Я вам этого желаю. И, конечно, причащайтесь со страхом Божиим, с верою и любовью. Принимайте бессмертный хлеб, сошедший с небес, и живите вечно. Христос да поможет вам и всем вашим прихожанам в далекой Дании. Там, где жил когда-то Гамлет, принц датский, описанный Шекспиром. Вот видите, и там православные христиане живут. Мир вам, ближним и дальним.

– Что мне делать, если я после причастия (причащаюсь редко) сразу, в тот же день, сильно заболел? Может быть, оттого, что часов за пять до причастия покурил, выпил? Это наказание такое конкретное, или как отторжение, или что-то другое? Что это может быть?

– Что касается вашей болезни после причастия, вы себя слишком не казните, потому что уже наказаны достаточно. Господь Бог – добрый. Думаю, вы выздоровеете скоро. Да даст вам Господь здоровья. И если человек себя самого будет терзать, угнетать мыслями о неизбежности ожидаемого наказания, постоянно этим заниматься, то, конечно, будет в угнетенном состоянии. Так ни у кого здоровья не хватит. Не терзайте себя. Покаялись, ну что ж, поболели, поблагодарите Бога – и выздоравливайте.

– Я пришел в Церковь довольно поздно, огромное количество грехов к этому времени накопилось. Я даже сперва не понимал этого, считал себя хорошим парнем, а потом мне начала открываться вся чернота моей жизни. И сейчас уже не помню, что исповедовал, что не исповедовал. Знаю, что есть генеральная исповедь, есть елеосвящение. Как быть?

– Поздно пришел человек в Церковь... Ну что ж... «Поздняя любовь моя», – говорил блаженный Августин Господу Иисусу Христу. В сорок с лишним лет блаженный Августин пришел в Церковь. Успел после этого написать столько, что за жизнь человеку прочитать невозможно. Один из отцов Церкви удивлялся, как блаженный Августин столько написал. А он не только писал, он же что-то читал, ел, спал, молился, постился, поклоны бил, людям проповедовал. Поздно – это не страшно. Главное, что пришел. Разбойник, на кресте висевший, ко Христу пришел за три часа до смерти. Никуда не двигаясь, потому что ноги были пронзены. Благословите Господа, что вы пришли. И не важно, что поздно. Слава Тебе, Боже. Дай Бог, чтоб приходило больше людей и в любое время.

Много грехов... Знаете что, превратите это в свое богатство. Человек, который мало грешил и знал Бога с детства, – святой человек, и мы ему завидуем. Но если вдруг покается грешник (а мы знаем из Евангелия, что Ангелы Божии радуются об одном грешнике кающемся), то он порадует небеса своим покаянием. Если человек, отягченный множеством грехов, приходит к Господу, искренно приходит, по-настоящему, то, по сути, он превращает свои злодеяния в золотой запас. Ибо ему тяжело было прийти, а он пришел. Здесь все меняется. Некоторые, кому повезло родиться в чистоте, прожить в чистоте, будут в Царствии Божиим ниже тех, кто в грязи зачат, в грязи прожил, а потом покался. Они могут высоко взойти. Здесь не нужно спешить. Бог – аптекарь, Он будет взвешивать очень точно.

Что исповедовал, что не исповедовал... Здесь ценно не название всех своих злодеяний, грехов, не это главное. Господь знает число волос на голове: *власы... вси изочтени суть* (Мф. 10, 30). От нас при этом Он не требует, чтобы мы знали количество волос на голове. Он не хочет, чтобы мы считали себе волосы, как мартышки. Не нужно нам считать свои волосы. Он посчитал, а нам не надо. Он знает наши грехи, а мы до конца их не знаем. Поэтому мы каемся в ведомых и неведомых, вольных и невольных, помянутых и забытых. Если вы обращаетесь к Богу от всего сердца, то не тревожьтесь о том, что вы чего-то не сказали. Это я говорю вам и всем. Прошу вас не тревожиться бухгалтерской тревогой или тревогой некоего педанта о пылинках – мол, не сказали чего-то. Ты обратился, то есть ты стоял к Богу спиной, а теперь повернулся лицом. Всё. Это – самая важная вещь. Высчитывать, взвешивать, записывать, архивировать, подшивать – не наша задача. На этом пути можно поломаться на сто кусков. Не занимайтесь подсчетом своих грехов, не мучьте душу мыслями: все сказал – не все сказал. Обратитесь к Богу. От смерти – к жизни. От грязи – к свету. От низа – к верху. Обратитесь. И идите к Нему. Падаешь – вставай, дальше иди, это – самое главное. Не бухгалтерская книжка с подсчитанными грехами, а вектор движения важен в отношении к Богу. Поздно? Слава Богу,

что пришел! Много грехов – преврати их в сокровище. Когда покаешься в них, они будут тебе в оправдание. Ибо ты был большой грешник, а теперь – христианин.

– У меня вопрос по Евангелию от Марка (глава 9-я, стихи 38–39-й): При сем Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами. Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Как это соотносится с гадалками: к кому-то можно ходить, к кому-то нельзя?

– В традиции иудеев были экзорцисты и изгонители бесов. И Христос говорил им: «Если Я силою вельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют? Посему они будут вам судьями...» У них было заклинание именем Бога Святого, Бога Живого, Бога Авраама, Бога Исаака, Бога Иакова – они изгоняли бесов именем Божиим. И когда Иисус Христос прославился как изгонитель бесов, чудотворец и воскрешающий, то наверняка многие люди захотели именем Иисуса, воскрешающего мертвых, именем Иисуса из Назарета, именем Иисуса, изгоняющего бесов, тоже изгонять бесов. И они начали это делать. И апостолы возревновали об этом, а ревность была им присуща как простым людям. Они любили Учителя, они не хотели, чтобы слава Его уходила к чужим. Они сказали: «Не ходит с нами, давай запретим». Христос говорит: «Не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня». Человек, сотворивший чудо именем Иисуса, почувствовав силу имени Иисуса, увидев собственными глазами действие имени Иисуса, не сможет вскоре злословить Иисуса и быть Его врагом. Вот такой здесь смысл. Надо понимать, что Церкви еще не было, новозаветная Церковь родилась в Пятидесятницу, в день Сошествия Святого Духа. Ветхозаветная иудейская Церковь постепенно уходила в тень, и уже появлялась языческая неплодородная Церковь, которая должна была возвеличить Христово имя. Было такое междуцарствие: иудеи уходили, язычники еще не пришли. И всякий творящий чудо именем Иисуса должен был по опыту знать, что имя Иисуса – великая святость, Иисус совершает чудеса, и Его имя чудесно. Тогда он уже не враг Господу. А если враг, то не сегодня, не завтра, а через пару лет, когда все забудет. Поскольку Церкви еще не было, а имя Иисусово еще только подобало усвоить человечеству, то Господь хвалит этих людей, которые Его именем совершают чудеса, и запрещает апостолам делать им выговоры.

Что касается гадалок и прочего, это уже другая ситуация. Существует Церковь Христова, к которой человек либо принадлежит, либо не принадлежит. И Глава Церкви – Христос, и Церковь – тело Его, и человек, принадлежащий к телу, принадлежит и к Главе. И тогда именем Главы тела – Церкви – человек может творить то или иное. Но если он чужой и к Церкви не принадлежит, но пытается именем Иисуса творить то-то или то-то, то Церковь имеет право своим людям сказать, что он – человек не наш, к этому человеку вы не ходите. Может быть некий паразитизм на святости имени Господня, который Церковь должна пресекать по мере своих сил, что, собственно, и совершает. Нужно понимать и другое: Иисус Христос слышит всякого человека, Он слышал всякие истории, когда, например, башкир некрещеный пасет стада и говорит миссионеру православному: «Я – мусульманин, но я люблю вашего Иисуса Христа, Он такой добрый, ваш Иисус Христос. И когда я потерял барана, я говорю: "Иисус Христос, дай мне моего барана". И смотрю – баран пришел». Христос слышит тех, кто бескорыстно призывает Его святое имя. Таких случаев – миллионы и сотни миллионов, когда люди призывают Господа, не будучи христианами, и Он откликается на их призыв. Здесь не должно быть именно зарабатывания, чудотворства ложного. Не должно быть. Там, где это есть, нет благодати.

– Мы празднуем день Святой Троицы, а на другой день – Сошествие Святого Духа. Не совсем понятно: почему установлены два дня празднования?

– Дух – Он смиренный, отдельного праздника не имеет, Он, так сказать, прячется: всё Христу, Христу, Христу. Христос – корень богопознания. Его Рождество, Вознесение, Креще-

ние, Воскресение: всё вокруг Него, мы через Него всё познаём. И Отца познаём через Него, и Духа принимаем через Него. Но для того, чтобы Духа возвеличить и почтить Его как Единого равночестного от трех Лиц Троицы, как равного Отцу и Сыну, Церковь решила отдать Ему один день, чтобы мы помнили, что Дух невидим, сошел на апостолов в виде огненных языков, а на Христа на Иордани – в виде голубя. Это все, что мы о Нем знаем, больше ничего Он о Себе не являет. Он действует могущественно, творит, напоминает, дышит, где хочет, совершает таинства: Причащения, Крещения, Покаяния. Это же Дух совершает. Чтобы мы помнили, что Он равный Отцу и Сыну, что Он равночестный, что Он не просто безликая сила, а Личность, Церковь решила дать Ему хотя бы один день – после Пятидесятницы, после наития Духа, после этого полного вдоха церковными легкими воздуха благодати, чтобы мы почтили Духа Святого. Говорят: «Прииди, и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша». Он благой, святой, вечный, равный Отцу, равный Сыну, смиренный, такой же смиренный, как Сын и Отец. И Он прячется, Он не являет Свою славу. Если Он и действует со славой, то действует во имя Сына. Когда Дух действует, Он отдает славу Сыну. Когда Сын действует, Он отдает славу Отцу. Все Лица Святой Троицы отдают славу другому, для Них жизнь – это отдать Свою славу другому: Сын – Отцу, Дух – Сыну. И мы должны понять это смирение Духа, поблагодарить Его за это, почувствовать Его присутствие возле нас и попризывать в Его честь хоть раз в год. Вот такой смысл.

– Не могли бы Вы сказать о «евангелии от Толстого»? Его же отлучили от Церкви, но не предали анафеме. В чем разница между церковной анафемой и отлучением?

– «Евангелие от Толстого» – это попытка рационалистического прочтения Евангелия, при котором Толстой отказал Христу в Божестве, отказал Христу в чудесах, – решил, что чудес не было, это людям привиделось, решил, что Христос не Господь и не Бог, а просто хороший человек. Толстой изложил свою трактовку, которая никак не может считаться христианской, которая является плодом гордых фантазий хорошего графа. Но хороший граф становится плохим графом, когда начинает фантазировать, обращаясь к вещам, которые не поддаются отдельному уму. Розанов говорил, что Толстой – гений, но он – дурак. Это очень важные слова. Толстой умен, но он – дурак. Как это – гений и дурак? А вот Розанов очень правильно говорит, что, если бы Толстой был умен по-настоящему, он бы не воевал с Церковью, потому что в Церкви есть святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Спиридон Тримифунтский, Тихон Задонский. Толстой, если бы он был умен, смирился бы перед Церковью. Розанов говорит, что, допустим, Священный Синод ниже Толстого: Толстой выше, умнее, серьезнее, горячее, нежели отцы-синодалы. Но Толстой ниже святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Толстой должен был смириться перед Церковью как таковой. Не перед Синодом, а перед Церковью. А раз он не понял этого, то он – гениальный, но – дурак. Ну дурак: умная голова дураку досталась. Так что его евангелие – это неумные выходки зарвавшегося человека. Зарвался барин, загулял, так сказать. Косил бы траву с мужиками на поляне всю жизнь до смерти, глядишь, и спасся бы. А так – задурочился гений.

А теперь насчет анафемы и отлучения. Анафема – это и есть отлучение. Анафема не проклятие, но – отлучение. Как мы поем в первое воскресенье Великого поста, в Торжество Православия: «Анафема, анафема, анафема...» – это значит: «Ты не наш, ты не наш, ты не наш. Уходи отсюда, уходи отсюда, уходи отсюда. Тебе нельзя причащаться, нельзя причащаться, нельзя причащаться. Мы тебя не похороним, не похороним, не похороним. Уходи вон отсюда, Церковь не молится за тебя...» Вот это значит «анафема»: «Ты не наш, живи как хочешь. Но крестик с себяними, потому что ты уже не наш, ты отрекся от нас». Это – отлучение. Отлучение и анафема – одно и то же. Толстой сам себя отлучил, Церковь только это подтвердила: ну вот, великолепный писатель граф Лев Николаевич отлучил себя от Церкви. Ну что ж, так тому и быть, раз он сам захотел. Так что, чтобы не путаться в трех соснах, скажем: это – не

проклятие, но отлучение, подтвержденное Церковью, поскольку он – самоотрекшийся. Это анафема, до которой допрыгался гениальнейший человек, граф Лев Николаевич Толстой. Вот такая трагедия.

– Один из священнослужителей сказал, что сейчас в основном нет пастырского служения, люди приходят к индивидуальному духовному развитию. Что Вы об этом думаете?

– Вы произнесли некое утверждение, я попытаюсь его осторожно прокомментировать. Да, действительно, очень часто духовная жизнь сводится к личным упражнениям отдельного человека, к личному благочестию. И Церковь нужна ему как некая благотворная среда для личного благочестия, ему нужны таинства. Для чего ему нужны таинства? Для личного духовного роста. Ему нужны какие-то книги. Для чего нужны? Для личного духовного роста. Что-то еще ему нужно, что-то еще, что-то еще, и все сводится к тому, что человек, по сути, эгоистично, в одиночку подвижничает. Насколько это правильно или неправильно? Очень часто духовная жизнь человека проходит под знаком личных совершенствований. А как надо? А надо, чтобы была жизнь Церкви, жизнь общины, и человек нашел себя в некой общине верующих людей, имел обязанности перед общиной, перед церковным организмом, чтобы он знал, что такое совместный труд, совместная молитва, совместное послушание, совместные труды и жертвы на общую пользу. Так нужно. К этому людям надо будет потихонечку приходить, потому что Церковь – не собрание эгоистов, каждый из которых спасается в одиночку, Церковь – спасение коллективное, совместное, общинное. Мы же даже в молитве не говорим «Отче мой», а «Отче наш». То есть мы должны кого-то подразумевать под теми, кто еще, кроме меня, к Отцу обращается. Это – задача. Вообще диагноз хороший, я согласен с диагнозом. Но диагноз этот печальный – правильный, но печальный. Так быть не должно, должно быть по-другому. Любые большие дела совершаются при единодушии и коллективном труде. Хорошо ли, что метро есть в Москве? Конечно, хорошо. Это красиво? Очень красиво. Это подвиг? Настоящий трудовой подвиг. Это достижение, это великое дело, это большая польза. А один человек может построить метро? Да какое метро, один человек не сможет за всю жизнь сделать кусок эскалатора. Большие вещи делаются вместе. И победа в войне – коллективный труд. И церковная жизнь – коллективный труд. А когда каждый делает свое и ему все равно, что делает тот, кто стоит рядом, это плохо. Это то, что нужно исцелять.

– Господь ведет человека, слышит его молитвы и вдруг оставляет. Причем так серьезно, что даже пропадает желание бороться за свое спасение. Это что, наказание или все-таки испытание? Как этот грех классифицировать, как с этим бороться?

– А стоит ли все грехи классифицировать? Богооставленность у всех разная. Кто-то действительно трудился, трудился и перетруился. Перетрудившись, ощущает себя ничтожным. Порой по видимости Бог оставляет его, чтобы он понял, что сил у него нет. Кто-то, может быть, прогневал Господа какими-то гордыми трудами: трудился, но в тайне сердца не Богу, а для себя. Мы должны быть далеки от мысли о том, что как завели однажды человечка в таинстве Крещения, точно ключиком, и он начал тикать как швейцарские часики, и так он и будет тикать, пока не умрет и не пойдет в Царствие Небесное. Так не бывает ни у кого и никогда. Человек по какой-то синусоиде идет: падает, встает, дергается, не рассчитывает силы, набирается опыта. Когда человека спрашивают в конце его жизни или ко времени накопления какого-то духовного знания: «А какое ваше правило?» – он говорит: «Раньше у меня было много правил, а теперь одно: ”Господи, прости меня, грешного“». В конце концов, что такое наша надежда? Наша надежда – дом паука: там не на что опереться. В конце концов нам нужно будет опереться только на Бога и больше ни на кого. На невидимого Бога, на не осязаемого пятью чувствами, не доступного спекулятивному изучению, Который выше ума, Который везде и рядом. Вот на Бога, Который выше познания, выше логики, надо будет опереться – больше опираться не на кого и не на что. Подпоры отнимаются одна за другой: человек опирается, например, на

друзей – друзья вдруг изменяют ему; на страну – стране он оказывается ненужным или страна разваливается, и он эмигрирует; на семью – семья разъезжается в разные стороны: дети взрослеют, выходят замуж, женятся; на науку, литературу – они становятся ему противны, перестают насыщать. Все подпоры забраны, он висит в воздухе. На что ему опираться, на кого? На Бога. Конечно, он слабый, чувствует слабость, страх. Слабость и страх – неперенные компоненты духовной жизни. А как иначе? Только фантазер может нафантазировать, что мы должны становиться сильнее, сильнее, сильнее... А на самом деле – мы всё слабее, слабее, слабее. Вот тогда нам Бог и нужен. Поэтому чего же тут классифицировать? Надо спокойно к этому относиться и бороться за то, чтобы не терять веру. А все остальное – лирика. Меньше носиться с собой надо, мне кажется. Многие люди приходят на исповедь от великой любви к себе самому и так же носятся как курица с яйцом со своими проблемами: «Ах, я ж такой, я ж такой, я какой-то вот не такой. Ах, я ж такой какой-то грешный. Господи, как же так плохо вот...» И так себя любят, так страдают оттого, что они какие-то не такие. В этом много мелкого самолюбия, противное в этом что-то. Надо меньше носиться с собой, надо быть... Это прозвучало в песне Пахмутовой и Добронравова «Надежда»: «Надо просто выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым, чтоб порой от жизни получать радости скупые телеграммы». Какие красивые слова! Таких песен больше не пишут. Действительно, в любом хорошем деле нужно быть спокойным и упрямым: геолог должен быть спокойным и упрямым, офицер должен быть спокойным и упрямым, ученый должен быть спокойным и упрямым. Понимаете? Все стали какими-то нежными, экзальтированными, нервными, взвинченными: носятся, изображают какую-то духовную жизнь. Спокойным и упрямым нужно быть, чтоб порой от Бога получать радости скупые телеграммы. Будем попроще, христиане. Русские люди – вообще простые люди. Как можно меньше копайтесь в себе, это мало кому приносит пользу, кроме очень великих святых.

– Вопрос о покаянии. Человек ходит десять лет в храм, посты держит, каждую неделю исповедуется, старается причащаться хотя бы два раза в месяц. Я недавно слушал лекции профессора Осипова, он говорит, что нередко люди ходят в храм каждое воскресенье и при этом остаются прежними. В чем тогда покаяние может быть?

– Если мы сажаем дерево, то ожидаем плодов от него. Конечно, если мы занимаемся чем-либо, то и ожидаем чего-либо от того, чем занимаемся. Бизнесмен, например, занимается бизнесом ради прибыли. Он же не будет заниматься пустыми делами. Любое дело предполагает некий плод. И духовные труды предполагают некий плод. Существует такой мартышкин труд, при котором ты трудишься, но остаешься без плода. Это печальное явление. Алексей Ильич Осипов имеет в виду следующее: человек, совершающий свой жизненный путь вместе с Церковью, церковно живущий или стремящийся церковно жить, должен отмерять свое жизненное движение по каким-то фишкам и вешкам, должен замечать внутри себя изменения, должен преодолевать те или иные страсти, должен открывать в себе новые глубины страстей, которых он прежде не знал. Это довольно трагичный путь: ты больше и больше ввязываешься в некую борьбу и видишь, что враг, оказывается, многоголов. Эти многоголовые гидры и драконы из мифологии на самом деле реальны: одна голова отсекается, а две вырастают; еще одна отсекается, еще две вырастают. Это очень хороший образ для того, чтобы понять, что происходит. Человек вступает в борьбу, он перестает осуждать, например, людей, он оставляет какие-то вредные привычки, перестает интересоваться какими-то вещами, которые раньше его очень веселили, пытается приобрести добродетели, которых нет у него. Например, жестокосердому человеку нужно научиться заниматься делами милосердия. Человеку, который много тратит на себя и ничего на других, нужно научиться себя обжать и подавать милостыню чаще и больше. Точечно. Человеку, например, невнимательному, суетному нужно постараться полюбить богослужение, внимательную молитву. Нужно научиться отдавать долги, не осуждать людей за их грехи, прикусывать язык и очистить свою речь от ненужных слов. Семейную свою жизнь надо

настроить на более-менее верный лад, детьми заняться. Человек жил-жил и вдруг понял, что никогда не занимался детьми своими, ни разу не сходил с ними ни в музей, ни в зоопарк, ни книжку не прочел с ними, не поговорил с ними толком, не расспросил: а что у вас там, а как у вас? И вдруг он понимает: «Господи, это же самые близкие люди мне на земле, дети мои, родители мои». Он начинает навестывать упущенное. Или он понимает, что не знает ничего, начинает читать духовную литературу, Писание Священное изучать, в нем просыпается жажда знаний. А жажда знаний – благородная жажда.

Или он понимает, например, что на Мальдивах был, в Катманду был, возле пирамид египетских был, а в Троице-Сергиевой лавре и у Серафима Саровского в Дивееве ни разу не был. Он начинает ездить туда, где не был. Понимаете, человек открывает для себя новый мир и пытается в этом мире освоиться и догнать то, что упустил, пытается очистить себя от того, в чем замарался. Он начинает жить беспокойной, я бы сказал, жизнью. Потому что не может успокоиться, совесть движет его на труды. Тогда рождаются благие перемены. А бесплодные люди – что ж, их много. Как-то так вот привык человек ходить регулярно куда-то, что-то делать, какие-то телодвижения совершать: записку написал, свечку поставил. На исповеди постоял: «Ну, согрешил делом, словом, помышлением...» И так годами живет-живет-живет, и никакой огонек в нем не разгорается, ночью на молитву он не поднимается. Как постился сикось-накось, так и постится, никакого особенного подвига на себя не берет. Есть опасность такая: как жил, так и живешь. И вера твоя не греет ни тебя (если честно, тебе просто комфортно в ней), ни тех, кто вокруг тебя.

Об этом профессор Осипов, видимо, и говорил. Деятельная вера меняет человека. По-настоящему, если человек меняется, он должен быть похож на того бесноватого, который бился о стены гроба каменного в Гадаринской стране, в котором был легион нечистых духов. «Как имя тебе?» – «Легион имя мне». Христос спросил, они ответили. И когда Христос выгнал этих квартирантов из бедного одержимого, тогда только тот стал умытый, одетый, мыслящий. И попросил разрешения идти за Иисусом Христом. А Иисус Христос говорил ему: нет, останься там, где ты жил, где тебя знают, рассказывай всем, что тебе Господь сотворил. То есть такой изменившийся человек является живой проповедью. «Галь, ты помнишь Ваську из углового дома?» – «Того, что валялся под стенкой в мокрых штанах, пьяный, в блевотине? Как же, помню. Кто ж его не помнит! Замучил жену, замучил детей, мать свою в гроб свел пьянством своим». – «Ты знаешь, он третий год не пьет». – «Как не пьет?!» – «Да не пьет, клянусь! В церковь стал ходить. Ты его не узнаешь. Побритый-помытый, аккуратный, чистый. На работу устроился. С женой своей, которая его бросила, сошелся опять». – «Как это? Может, в секту попал?» – «Да в какую секту! Говорю тебе, в церковь ходит человек, покаялся». – «Да ну, не верю». – «Что не веришь? Иди посмотри! Весь район уже знает». Понимаете? Что-то такое похожее происходит, когда человек вдруг снизу вверх пошел, когда его все знали как пропащего и никудышнего, а он согласился, чтобы Христос его взял на руки и вынес на поверхность, из беды на спасение. Такое покаяние и ожидается. Есть люди, которые находят Господа в тюрьме, покаявшись. Есть наркоманы, бросившие наркотики, слезшие с иглы. Есть блудницы, торговавшие телом, а потом прекратившие это позорное занятие и всю жизнь плачущие о том, что было, и старающиеся вести честный образ жизни. И это есть. Первые будут последними, а последние – первыми. Последние – это те, которые изменились. Очевидно, это имел в виду профессор Алексей Ильич Осипов: меняться надо.

– О почитаемых старцах: например, старце Сампсоне, который не прославлен в лике святых. Святому можно акафист прочитать. А тут как быть? Помощь-то идет, как их нужно благодарить? Панихиду служить?

– Думаю, нужно поступать как верный сын Церкви и до общецерковного или местного прославления (есть же право у Церкви и местно святых прославлять, чтимых в пределах отдельных епархий) ограничиваться панихидами. Это будет смиренно и правильно.

Вот, например, святой Феодосий Черниговский (очень известный архиерей, несомненно, праведной жизни, который был прославлен впоследствии). Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, тот самый, который французов гнал из Москвы и дальше, очень большую любовь имел к этому святому архиерею. У него был друг-священник, протоиерей в Чернигове. Кутузов, отправляясь в военный поход, всегда писал ему письма с передачей денежных средств, с просьбой служить панихиды при гробе владыки Феодосия. Феодосий не был прославлен, но было понятно, что это угодник Божий, что он будет заступником. Впоследствии он был прославлен.

Так же было и с Иоасафом Белгородским. Несколько столетий прошло после его смерти до канонизации. Люди не дерзали петь ему молебные пения, а пели обычные панихиды. Этого было достаточно. И Феодосий, и Иоасаф, и другие святые откликались на народную любовь и совершали милости. Поэтому надо поступать по-церковному, это – незаблудный и незазорный путь, который не даст лукавому комару нос подточить.

– Я хотел бы уточнить по поводу исповеди. Почему у других конфессий ее нет, а у нас она есть?

– В нашей исповеди смешаны несколько важных элементов, которые нужно уяснить. Отчасти в нашей исповеди есть такая монашеская практика откровения помыслов. Потому что большинство вещей, которые мы называем на исповеди, не собственно грехи, а перечисление своих страстных немощей. Например: нет молитвы, нет любви, нет терпения, унываю... Это – некие греховные состояния, более-менее общие для всех людей, причем монашески выраженные. Это – монашески выраженные вещи, которые нужно инкриминировать для мирянской жизни. Это бывает сложно. Есть функция ограждения чаши от чужих. Когда, например, в селе священник знает всех своих прихожан (паства у него состоит из ста пятидесяти человек), он может и не спрашивать их имен перед причастием. Они могут не называть свои имена. Он говорит: «Причащаются Тела и Крови раба Божия Пелагия, раб Божий Иоанн, раба Божия Марфа, раб Божий Петр». Но в городе необходимо ставить сторожа у чаши. Здесь появляется новый компонент. Все-таки нужно понимать, что впервые за всю историю мира население городов превысило население сел. Тенденция будет продолжаться. Большинство людей будет жить в городах. А раз в городах – то будет незнакомая паства, а раз незнакомая паства в храмах, значит, нужно будет ставить возле чаши исповедующего священника, который будет спрашивать: «Вы крещеный или нет? А вы когда последний раз причащались?» В нашей исповеди много функций: откровение помыслов, недопущение чужих, ну и собственно покаяние. Но нужно понимать, что в жизни покаяние, настоящее, глубокое, не бывает каждое воскресенье. Бывает покаяние при вступлении в Церковь. Могучее, как бы переворачивающее человека в мясорубке. Ты был куском телятины – вышел фаршем. Ты покайся. Были слезы, были крики, была мука, были бессонные ночи... Не бывает так, чтобы каждое воскресенье ты так каялся. Потом у тебя будет охлаждение, падения, согрешения, возвращение и – опять мясорубка. Так будет раз, два, три, четыре раза в год. Нынешняя наша практика совмещает в себе много наслоившихся практик церковной жизни разных эпох. В каждом приходе священник имеет некий ресурс движения, что-то он может усилить, что-то уменьшить. Здесь все зависит от пастырей. Как это все пришло к нам? Когда мы стали христианами, Запад и Восток уже тысячу лет прожили в христианстве. Византия и Рим. Многие устали быть христианами, многие привыкли к христианству, многие перестали чувствовать уникальность христианства, многие состарились в христианской благодати. Подходил ислам, уже на пороге стоял, готовый отнять первенство у государственной религии. Мы получили христианство из дряхлеющих рук великой Византии. Получили его с грузом накопленных взлетов и падений. Нам нужно иметь особый талант, чтобы разобраться, что они нам дали, где великое, а где ненужное, где принципиальное, а где второстепенное. Это – большой труд. Наша церковная, историческая мысль должна напрягаться постоянно, чтобы решать нашу жизнь не с точки зрения того, что

мы получили в наследство, а с точки зрения того, что нам полезно. Потому что русские усвоили себе весь груз Византии и понесли его, а все нужно нести или не все – попробуй разберись. Мы только крестились, как нам положили на плечи огромную тяжесть. А вот теперь мы сами умные, нам уже больше тысячи лет. У нас уже есть богословская школа, просвещенные пастыри, умные миряне, разные формы обучения. И мы должны смотреть, что нам нужно, что не нужно, что тяжело, а что легко, что приятно, а что неприятно, что дает плоды, а что плодов не дает. Это – соборный труд нашей Церкви.

Я считаю, что есть некоторые виды исповеди, которые могут проводить святые люди, но не могут проводить все священники вообще. Есть святые священники, которые могут спрашивать человека о таких вещах, о которых простые священники спрашивать не могут. Человек, например, озаренный духом, может тебе такой вопрос задать, от которого тебя в жар бросит, потом в холод, потом опять в жар. Он поможет тебе разобраться с чем-то, и ты выйдешь обновленный с этой исповеди. Но если тебе, например, сорок пять лет, а батюшке двадцать и он тебе такой же вопрос задает, скажешь: «Батюшка, что ты у меня спрашиваешь такие вещи?.. Я не готов с тобой об этом говорить». Ведь может быть такое? Это очень важно, кто тебя исповедует, как он это делает. Все это – великая тайна, которая касается и общего здоровья церковного народа, и общего осмысления исторического пути, и личного качества как кающегося, так и принимающего исповедь. Что мне лично хочется как священнику? Чтобы я как можно меньше времени тратил на исповедь. Когда я выхожу на исповедь, стоит сто сорок человек, и все они проходят быстро, за четырнадцать минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.